

К ВОПРОСУ О КУЛЬТУРЕ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОГО ДИСКУРСА. ЗНАЕТ ЛИ ИСТОРИЯ СОСЛАГАТЕЛЬНОЕ НАКЛОНЕНИЕ?

Николай Иванович Бирюков¹, Наталья Федоровна Желудова²

^{1,2} МГИМО МИД России, Москва, Россия

¹ n.biryukov@inno.mgimo.ru

<https://orcid.org/0000-0003-3392-0789>

² kfmgimo@gmail.com

Аннотация. «История не знает сослагательного наклонения». Эта расхожая фраза, очевидным образом не соответствующая практике историографии, уже нанесла ощутимый вред исторической науке, хотя преподносится обычно от её имени и выражает якобы её методологические установки. Воздействие это затронуло не столько саму историческую науку (профессионалы знают ей цену), сколько восприятие науки о прошлом и, что важнее — восприятие самого прошлого, широкой публикой, и потому требует

отпора. Такой отпор воспоследовал в форме решительных публичных высказываний авторитетных профессиональных историков. Цель настоящей статьи, впрочем, не полемика с анти-субъективистами, а прояснение смысла обращения к сослагательному наклонению в истории и уточнение границ его законного применения. Отрицанием «сослагательного наклонения» обычно стараются выразить бесплодность *предположений* в исторической науке. Учёные и сами не испытывают большой любви к «гаданию на кофейной гуще», но это трезвое отношение не должно переходить в тотальный запрет на анализ исторических альтернатив. Здоровое сомнение в надёжности наших познавательных процедур, применяемых к таким «ускользающим материям» как возможности, неравнозначно отрицанию самого существования возможностей, отличных от фактически реализовавшихся, т. е. фатализму. Фаталистическая установка обесмысливает само «ремесло историка». Одно дело — считать, что реальность — одна и задним числом изменена быть не может, и совсем другое — утверждать, что она изначально была безальтернативной. Историк, абстрагирующийся от альтернатив, создаёт лишь по видимости реалистичную, «нефантазийную», а в сущности — грубо упрощённую картину, не соответствующую исторической действительности. Реальность без альтернатив — это не та

реальность, которая существовала в прошлом; следовательно, любое объяснение, исходящее из неё, неадекватно. Изучать альтернативы, конечно, нелегко потому, что информация о возможностях, оставшиеся нереализованными, в источниках отсутствует — они повествуют о фактически свершившемся. Но кто сказал, что наука — это просто?

Ключевые слова: детерминизм, историография, исторические альтернативы, история, нарратив, проблематическая модальность, сослагательное наклонение, фатализм

Для цитирования: Бирюков Н.И., Желудова Н.Ф. К вопросу о культуре историографического дискурса. Знает ли история сослагательное наклонение? // Концепт: философия, религия, культура. — 2023. — Т. 7, № 2. — С. 19–35. <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2023-2-26-19-35>

Philosophical essay

EXPLICATING THE CULTURE OF HISTORIOGRAPHIC DISCOURSE. DOES HISTORY HAVE THE SUBJUNCTIVE MOOD?

Nikolai I. Biryukov¹, Natalya F. Zheludova²

^{1,2} MGIMO University, Moscow, Russia

¹ n.biryukov@inno.mgimo.ru

<https://orcid.org/0000-0003-3392-0789>

² kfmigimo@gmail.com

Abstract. *History has no subjunctive mood.* This cliché has done a lot of harm to the science of history, even though it is usually voiced on its behalf and is presumed to express its basic methodological attitude. However, the maxim obviously disagrees with the practice of historiography as attested by numerous examples or, rather, counterexamples from classical texts, Greek as well as Roman, ancient Chinese as well as modern European, including Russian. Rejection of the subjunctive mood is usually due to the belief that conjectures can serve no positive function in the science of history and, therefore, have no right to appear in historical writings. However, if a serious scholar's natural distaste for vain speculations turns into a virtual taboo on the study of historic opportunities, one is prone to ask whether this healthy scepticism about the trustworthiness of our cognitive procedures when applied to such fleeting matters as opportunities, possibilities and potentialities would not eventually lead to utter denial of the very existence of options and alternatives other than those actualised, i.e. to full-fledged fatalism. The matter is not that fatalism is unacceptable on both ontological and epistemological grounds, though it is. From the perspective of this paper the matter consists in that fatalism renders *the historian's craft* meaningless. For to assert that there is but one reality is one thing, but to allege that this one reality is devoid of alternative opportunities is something dramatically different. It is impossible even to *describe*, least so *understand*, the course of events without reference to alternatives. He who ignores alternatives presents a distorted, oversimplified image of the past — an artificial, contrived construct that does not correspond to the past reality. A reality without alternatives is not a reality as it was, hence, any analysis, any explanation based on it or ensuing from it proves inadequate. Past was not devoid of alternative opportunities, and though these are not easy to study, they should not be left unstudied. And they are, indeed, not easy to study, because, unlike opportunities availed of, those unrealised are seldom properly portrayed in our sources. But who says that science is easy?

Keywords: determinism, fatalism, historiography, history, narrative, problematic modality, subjunctive mood

For citation: Biryukov, N. I., Zheludova, N. F. (2023) 'Explicating the Culture of Historiographic Discourse. Does History Have the Subjunctive Mood?', *Concept: Philosophy, Religion, Culture*, 7(2), pp. 19–35. (In Russian). <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2023-2-26-19-35>

«История не знает сослагательного наклонения». Эта фраза¹, превращённая в расхожую формулу, уже нанесла пусть и не критический, но ощутимый вред исторической науке (хотя преподносится обычно от её имени и выражает якобы её методологические установки) и потому заслуживает не яростного, но твёрдого отпора.

Причём преподносится эта идея зачастую в категорической, безапелляционной, порой агрессивной форме — как общеизвестная, не подлежащая сомнению истина: «Как известно, история не знает...», «История же не знает...», «В истории ведь нет...», «Следует помнить, что история не терпит...» и т.п. Пишут это, разумеется, не профессиональные историки — те-то знают, что к чему. Но в медийном пространстве тон задают не профессионалы, погружённые в свои профессиональные занятия, а те, кого когда-то называли *профанами* («непосвящёнными», «непросвещёнными» — обидной кличкой, антонимом к слову *профессионал*), а ныне величают *блогерами*, а то и *ломами* — лидерами общественного мнения. Против лома, как известно, нет приёма, если нет другого лома, поэтому профессионалам, испытывающим время от времени потребность возвысить свой голос в защиту «истории с сослагательным наклонением», приходится де-

лать это в том же медийном пространстве, поскольку насельники блогосферы профессиональных трудов не читают. А трудов таких немало.

И вот что по этому поводу говорят историки-профессионалы.

По словам научного руководителя ИНИОН РАН Ю.С. Пивоварова: «История знает сослагательное наклонение. Она только и знает сослагательное наклонение. Не в том смысле: а вот если бы пошло так. История — это открытый процесс, потому что человек — это существо со свободой воли. Нет исторических законов, есть закономерности, традиции, окно возможностей, коридор возможностей, но нет “дважды два — четыре” и нет законов как в химии и физике. Поэтому всегда нужно продумывать, какие могли быть возможности»².

А вот, что говорит философ, профессор-исследователь Гуманитарного факультета Автономного университета Штата Мехико Малышев М.А.: «Если бы не существовало сослагательного наклонения, то прошлое превратилось бы в мрачное царство фатальной предопределённости, а его агенты — в марионеток, управляемых всемогущим кукловодом. Именно таким прошлое предстаёт под пером некоторых историков, абсолютизирующих ставшее,

¹ Считается, что этот высказывание восходит к афоризму немецкого историка Карла Хампе (1869–1936) «История не знает слова *если*» (Die Geschichte kennt kein Wenn). Формулировка, представленная в подзаголовке, приписывается И.В. Сталину и прозвучала якобы в его беседе с немецким писателем Эмилем Людвигом 13 декабря 1931 года. Пишем «якобы», поскольку в опубликованной стенограмме этой беседы она отсутствует (см. Сталин И.В. Сочинения. — Т. 13. — Москва: Государственное издательство политической литературы, 1951. — С. 104–123).

² Пивоваров Ю.С. «Последний дворянин у власти»: К 150-летию со дня рождения П.А. Столыпина (интервью с академиком РАН Ю.С. Пивоваровым) // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. — 2012. — № 2. — С. 9. См. также: Академик Юрий Пивоваров: История знает сослагательное наклонение // Вспомнить всё: программа Леонида Млечина. — 2017. — 19 фев. — URL: <https://otr-online.ru/programmy/programma-leonida-mlechina/akademik-yuriy-pivovarov-istoriya-znaet-soslagatel-noe-naklonenie-32791.html>

забывающих о становлении, которое вносит в историю виртуальный драматизм нереализованных возможностей». И далее: «История мало чему учит именно тогда, когда она отвергает сослагательное наклонение, ибо отвергнутые варианты возможной или контрафактной истории обладают несомненной значимостью для более глубокого понимания реалий прошлого» [Малышев, 2012: 19-20].

Дадим слово культурологу (по совместительству — философу, филологу и лингвисту): «А метод — это то, что для меня было постепенным открытием начиная с 80-х: сослагательное наклонение в философии и культуре и соответственно проективные методы изучения-изменения культуры. То есть каждый шаг исследования культуры — это одновременно опыт её восполнения и построения. В гуманитарных науках нельзя иначе, в отличие от наук естественных или социальных: они имеют дело с “кто”, а не с “что”; а “кто” не может себя полностью опредметить, превратить себя в “что”. И в этом — неизбывный методологический трагизм гуманитарных наук...»³.

Как видим, вопрос «сослагательности» не ограничивается областью исторических описаний и объяснений. М.А. Малышев рассматривает широкий спектр когнитивных ситуаций, в которых не просто уместно, а настоятельно востребовано сослагательное наклонение: осмысление необратимости времени, убыстряющаяся с ростом и ускорением темпа инноваций архаизация настоящего, переосмысление собственного прошлого и психологическая адаптация к его итогам, переживание вины и мести, наконец, собственно историческое познание. М. Эпштейн, как мы видели, поднимает сослагательность до уровня «проективно-

го метода изучения-изменения культуры», т.е. «опыта её восполнения и построения».

«Сослагательность» или, если угодно, «альтернативность» вообще представляет собой предпосылку и лежит в основе того самого экспериментального метода, систематическое внедрение которого в практику научных исследований породило новоевропейскую науку и её постклассическое продолжение. Эта точка зрения доминирует в современной философии науки. Она послужила, в частности, одним из мотивов замены неопозитивистского верификационизма постпозитивистским фальсификационизмом⁴. «Всякое научное знание носит, согласно Попперу, гипотетический характер», — пишет, например, в предисловии к книге К. Поппера В. Ю. Кузнецов, — «подвержено неизбежным ошибкам (фаллибилизм), не может быть полностью и окончательно подтверждено (верифицировано), но зато вполне может быть избавлено от заведомо ложных (фальсифицированных) положений, не согласующихся с опытом. Именно критическая установка позволяет человеку, *пробуя разные возможности*, учиться на своих ошибках — это касается не только научного познания, но и общественной жизни» [Кузнецов, 2004: 5]⁵.

В этом контексте уже не представляются удивительными характеристики «сослагательности» как своего рода мысленных (виртуальных — за невозможностью реальных) экспериментов в сфере исторического познания. «Ещё в ранних трудах Тойнби чувствуется невысказанная зависть к физикам: ведь мог же Резерфорд провести много экспериментов по обстрелу атомов золота альфа-частицами. наблюдая всевозможные исходы столкновений, а он, Тойнби, не может изучить последствия даже двух разных вариантов одного исто-

³ Эпштейн М. Мысль в сослагательном наклонении // Знание – сила. — 2010. — № 7. — С. 64.

⁴ «... если Бэкон верил, что решающий эксперимент может обосновать, или верифицировать, теорию, мы должны сказать, что в лучшем случае такой эксперимент может лишь опровергнуть, или фальсифицировать, теорию. Решающий эксперимент — это попытка опровергнуть теорию, и если такая попытка не приводит к успеху, а напротив, теория с её неожиданным предсказанием оказывается права, то мы вправе сказать, что теория подкрепляется этим экспериментом. (Она подкрепляется тем лучше, чем более неожиданным или менее вероятным был результат эксперимента).» [Поппер, 2004: 190].

⁵ (Курсив наш — Н. Б. и Н. Ф.).

рического события!»⁶ «Перечитывая свою блестящую монографию “Эллинизм”, он (Тойнби — Н. Б. и Н. Ф.) подумал вдруг, что описал и объяснил лишь половину греческой истории — что, как и почему в ней произошло. А как быть с тем, чего не было? ... Пока мы не умеем ответить на такие вопросы, нашу модель греческого общества нельзя считать полноценной. Значит, надо ставить “мысленные опыты”, проигрывая множество альтернативных сценариев великой исторической драмы»⁷. И, конечно, грех был бы не использовать предоставляемые «сослагательностью» возможности в целях преподавания истории⁸.

Разумеется, профессиональные историки к медийному пространству не прикованы — теме «истории в сослагательном наклонении» нашлось место и в традиционной печати. Ещё в 1992 году Донецкое отделение советской ассоциации молодых историков выпустило альманах «Альтернативность истории» с участием А.В. Коротаева, Р.В. Манекина, Я.Г. Шемякина и других авторов⁹. В 2000 году в альманахе «Одиссей» были опубликованы материалы «круглого стола», проведённого редакцией альманаха годом раньше с участием Л. Бородкина, А.Я. Гуревича, И.Н. Данилевского, В.Д. Назарова, А.В. Оболонского, М.Ю. Парамоновой, О.А. Ржешевского, П.Ю. Уварова, Д.Э. Харитоновича, К.В. Хвостовой, С.А. Экштута, А.Л. Юрганова; к выступлениям участников впоследствии добавились эссе Л.М. Баткина и М.А. Чешкова [Бородкин, 2000; Гуревич, 2000; Данилевский, 2000; Назаров, 2000; Оболонский, 2000; Парамонова, 2000; Ржешевский, 2000; Уваров,

2000; Харитонович, 2000; Хвостова, 2000; Экштут, 2000; Юрганов, 2000]. В 2006 году в Волгограде под редакцией Л.Е. Гринина, Д.М. Бондаренко, Н.Н. Крадина и А.В. Коротаева вышел сборник «Раннее государство, его альтернативы и аналоги» [Раннее государство..., 2006]. В 2002 году в Томске А.В. Бочаровым была защищена диссертация на соискание учёной степени кандидата исторических наук по теме «Проблема альтернативности исторического развития: историографические и методологические аспекты»¹⁰. Из журнальных статей, посвящённых рассматриваемой проблематике, достойны упоминания работы И.В. Бестужева-Лады, И.Д. Ковальченко, Н.А. Ткаченко [Бестужев-Лада, 1997; Ковальченко, 1986; Ткаченко, 2014].

Настоящая статья также не предназначена для размещения в медийном пространстве, ибо написана не ради полемики с антисубъективистами, а с целью прояснения смысла обращения к сослагательному наклонению в истории и уточнения границ его законного применения.

Давайте превратимся на время в этиках зануд аналитической школы и зададимся вопросом, что, собственно, означает фраза «история не знает сослагательного наклонения». Формула содержит три семантических элемента: понятия *истории*, *знания* и *сослагательного наклонения*.

Начнём с *сослагательного наклонения*. Это — грамматическая категория, выражающая отношение обозначенного глаголом действия к действительности как 1) предположительной — в отличие от достоверно известной, 2) возможной — в отличие

⁶ Смирнов С. Г. Хитроумие сэра Арнольда // Знание – сила. — 1979. — № 12. — С. 40.

⁷ Смирнов С. Г. Наука или фантастика? // Знание — сила. — 1994. — № 8. — С. 60–61.

⁸ Смирнов С. Г. Задачник по истории древнего мира: для средних учебных заведений. — Москва: МИРОС — Международные отношения, 1994; Смирнов С. Г. Задачник по истории средних веков: для средних учебных заведений. — Москва: МИРОС — Международные отношения, 1995; Смирнов С. Г. Задачник по истории России: учебное пособие для средней школы. — Москва: МИРОС — Международные отношения, 1995. См. также: Могильницкий Б. Г. Введение в методологию истории: учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «История». — Москва: Высшая школа, 1989. — С. 52–57 с.; Теория и методология истории: учебник и практикум для вузов / под редакцией А. И. Филошкина. — Москва: Юрайт, 2023. — 323 с.

⁹ Манекин Р. В. и др. Альтернативность истории / Отв. ред.: Я. Г. Шемякин, А. В. Коротаев. — Донецк: Б. и., 1992 (Анналы: Научно-публицистический альманах). — 174 с.

¹⁰ Бочаров А. В. Проблема альтернативности исторического развития: историографические и методологические аспекты : автореферат дис. ... кандидата исторических наук : 07.00.09 / Том. гос. ун-т. - Томск, 2002. - 26 с.

от фактически наличествующей или необходимой, 3) обусловленной — в отличие от рассматриваемой лишь «в себе», категорически (в логическом смысле слова), т.е. безотносительно к чему-либо, от неё отличному), в ряде случаев — 4) желательной, т.е. с налётом субъективности — в отличие от объективно данного¹¹. Какое из указанных отношений имеется в виду, станет ясно из нижеследующего.

В каком смысле употребляется в рассматриваемой формуле слово *история*? Если оставить в стороне контексты, не имеющие отношения к исторической науке («он попал в неприятную историю», «вечная история» и т.п.), можно указать на два основных значения этого слова, точнее — два кластера значений: 1) первое подразумевает *события* (процессы), имевшие место в действительности, преимущественно — в прошлом; особый случай такого словоупотребления связан со специфической интерпретацией событий как взаимосвязанных, что позволяет пользоваться термином *история* для обозначения *хода развития*; 2) второе значение прилагается к нашему *знанию* об упомянутых событиях; сюда примыкают и такие оттенки смысла как *рассказ* (текст) о событиях и *наука* о прошлом (развитии).

Очевидно, что уместность той или иной грамматической формы не может обсуждаться в отношении истории как объекта знания — исторических событий или процессов. Последние, что бы ни говорили по этому поводу постмодернисты, всё же не «тексты», даже если в них и можно усмотреть нечто «текстоподобное». Утверждать, что грамматическая категория сослагательного наклонения в прямом, непереносном смысле, к ним не примени-

ма, значит ломиться в открытую дверь. (Впрочем, то же можно сказать о наклонениях изъявительном, против которого никто вроде не возражает, повелительном и иных, коих насчитывается в разных языках более десятка). Следовательно, речь идёт об истории во втором значении — истории как знании, точнее — истории как *нарративе*.

Наконец, что значит утверждение, что история сослагательного наклонения *не знает, не терпит* или — в другой формулировке — что в истории сослагательного наклонения *нет*? Не будем, со своей стороны, ломиться в открытую дверь и настаивать на том, что историк как человек, владеющий родным языком, сослагательное наклонение, конечно, знает, коль скоро таковое в его языке употребляется. Ясно, что *историк* рассматривается здесь не в качестве носителя обыденного языка, а в качестве человека, высказывающегося (пишущего) именно на исторические темы.

Но ведь в исторических текстах глаголы в сослагательном наклонении встречаются. Вот лишь несколько примеров из классических исторических сочинений: греческих и римских, древнекитайских и новоевропейских, в том числе отечественных.

Начнём с классиков античной историографии.

«Если бы вавилоняне заранее узнали замысел Кира или вовремя заметили его действия, то, конечно, не только не позволили бы персам проникнуть в город, но даже совершенно уничтожили бы врага» (Геродот, «История», I, 191)¹².

«... если бы ахейцы прибыли с большим запасом продовольствия и вместо обработки земли и грабежа вели бы войну упорно

¹¹ Реферовская Е. А. Наклонение // Лингвистический энциклопедический словарь. — Москва: Советская энциклопедия, 1990. — С. 321.

¹² Геродот. История. — Ленинград: Наука, 1972. — С. 71. Ещё из Геродота: «... лакедемоняне, конечно, никогда бы не захватили [крепости и] Писистратидов (они ведь не намеревались вести осады, а Писистратиды сумели хорошо обеспечить себя продовольствием и питьевой водой). После немногих дней безуспешной осады спартанцы возвратились бы в Спарту, если бы тут не произошло события, рокового для осаждённых и счастливого для осаждающих: сыновья Писистратидов попались в плен при попытке тайно увезти их из Аттики в безопасное место» (с. 256); «... скифы всячески старались убедить ионян, которым была поручена охрана моста на Истре, разрушить переправу. И если бы тогда Гистий, тиран Милета, согласился с мнением прочих тиранов и не воспротивился, то войско персов погибло бы» (с. 317).

и всеми силами, то легко взяли бы Трою» (Фукидид, «История», I, 11:2)¹³.

«Кардухи убили и ранили камнями и стрелами нескольких человек, будучи сами в небольшом числе; дело в том, что приход эллинского войска был для них неожиданным. Но если бы их тогда собралось больше, то вполне могла бы погибнуть значительная часть войска» (Ксенофонт, «Анабасис», IV, 1:10-11)¹⁴.

«В тот день, когда войско ахейян должно было собраться в Тегее, Филопемон послал отборных воинов к Селласии с тем, чтобы они переночевали там и на заре следующего дня вторглись в Лаконику; если бы наёмники вышли против них и стали бы теснить их, приказал отступать к Скотите и во всем прочем подчиняться критянину Дидаскалоиду, коему он заранее доверил всё предприятие и дал надлежащие указания» (Полибий, «Всеобщая история», XVI, 37)¹⁵.

«И бесспорно, тот самый Брут, что стяжал столь великую славу изгнанием Гордого царя, сослужил бы наихудшую службу общему делу, если бы, возжелав преждевременной свободы, отнял бы царскую власть у кого-нибудь из прежних царей» (Тит Ливий, «История Рима от основания города», II, 1, 3)¹⁶.

«Настроения легионов давали для этого все возможности: верхнегерманская армия в полном составе участвовала в войне против Виндекса; если бы не смерть Нерона, она так и не перешла бы на сторону Гальбы...» (Корнелий Тацит, «История», I, 53)¹⁷.

«То ли потому, что Александр, подобно льву, уже насытил свой гнев, то ли потому, что он хотел противопоставить жесточайшему и бесчеловечнейшему деянию милосердный поступок, однако царь не только простил афинянам все их провинности, но даже дал им наказ внимательно следить за положением дел в стране: по его мысли, в том случае если бы с ним случилась беда, именно Афинам предстояло править Грецией» (Плутарх, «Сравнительные жизнеописания», Александр, XIII)¹⁸.

Обратимся к восточной исторической классике.

«Если бы чжухоу представляли трудности преодоления естественных препятствий Цинь, они непременно отвели бы войска, стали устраивать свои земли и дали бы народу отдых, ожидая ослабления Цинь» (Сыма Цянь, «Исторические записки»)¹⁹.

Оставим в стороне средневековую историографию, научный статус которой всё

¹³ Фукидид. История. I, 11:2. — Москва: Наука, 1981. — С. 10. Ещё из Фукидида: «Если предположить, что город лакедемоня был бы разрушен и в нём уцелели бы лишь святилища и фундаменты общественных зданий, то, как я думаю, через много лет у потомков могло бы возникнуть сильное сомнение, соответствовало ли могущество лакедемонян их славе» (с. 8).

¹⁴ Ксенофонт. Анабасис. — Москва: Ладомир, 1994. — С. 95. Ещё из Ксенофонта: «Стратега мысль показалась остроумной, но на деле невыполнимой, так как по ту сторону реки находилось много всадников, которые стали бы чинить препятствия и, конечно, не позволили бы осуществить подобную попытку, даже в самом её начале» (с. 92).

¹⁵ Полибий. Всеобщая история. Т. 2. — Санкт-Петербург: Наука, Ювента, 1995. — С. 278. Ещё из Полибия: «... если бы Аристен благовременно не исторг ахейян из союза с Филиппом и не обратил их на сторону римлян, то, наверное, ахейский союз погиб бы окончательно» (с. 294); «Если бы царь выступал с этими предложениями ещё в то время, когда владел Лисимахией и проходом к Херсонесу, то мог бы легко рассчитывать на согласие противника» (с. 344).

¹⁶ Ливий Т. История Рима от основания города. Т. 1. — Москва: Наука, 1989. — С. 64. Ещё из Тита Ливия: «Те из отцов, которые случайно оказались на форуме, к великой для себя опасности были застигнуты этой толпой, и не избежать бы им расправы, если бы консулы Публий Сервилий и Аппий Клавдий не приняли мер к подавлению мятежа» (с. 81).

¹⁷ Корнелий Тацит П. Сочинения. Т. 2. — Ленинград: Наука, 1970. — С. 30. Ещё из Тацита: «Окружённые со всех сторон, они были бы начисто истреблены, если бы спустившаяся ночная тьма не остановила победителей и не скрыла бегущих.» (с. 56).

¹⁸ Плутарх. Сравнительные жизнеописания. Т. 2. Москва: Наука, 1994. — С. 123. Ещё из Плутарха: «Если бы он сделал это немного позже, когда Цезарь был уже вовлечён в гражданскую войну, то Италии угрожала бы не меньшая опасность, чем во время нашествия кимвров (с. 179).

¹⁹ Сыма Цянь. Исторические записки (Ши цзи). Т. 2. — Москва: Восточная литература, 2003. — С. 100. Ещё из «Исторических записок» Сыма Цяня: «Если бы циньский ван принял во внимание события далёких времен и пошёл бы по стопам правителей Инь и Чжоу в утверждении своей власти и защите её, пусть бы даже и появился разнузданный и высокомерный правитель [среди циньских императоров], всё равно угроза гибели [династии] не создалась бы» (с. 108).

равно обычно отрицается; перейдём к новоевропейским авторам с их претензиями на строгую научность.

«Если бы Лициний долее упорствовал в сопротивлении, он мог бы сам погибнуть под развалинами города» (Э. Гиббон, «Закат и падение Римской империи», XIV)²⁰.

«И какова бы ни была ненависть Хильперика, Брунгильда, возможно, и произвела бы на него определённое впечатление своим обаятельным обхождением, так сильно действовавшим на современников, если бы его мысли не занимали прежде всего её огромные богатства» (О. Тьерри, «Рассказы из времён Меровингов», Рассказ 3)²¹.

«Если бы вся этрусская нация могла или хотела принять участие в борьбе, то при крайне низком тогда уровне осадного искусства римская община едва ли была бы в состоянии довести до конца такое гигантское предприятие, как взятие большого и укрепленного города; но так как этот город был одинок и всеми покинут, то, несмотря на мужественное сопротивление, он не устоял (358) против стойкого геройства Марка Фурия Камилла, впервые открывшего своему народу блестящее и опасное поприще внешних завоеваний» (Т. Моммзен, «История Рима», кн. 1, гл. IV)²².

«В Париже королевская власть ещё могла защищаться: туда съезжались со всех концов Франции роялисты. Все те, кто чувствовал себя в опасности и незащищёнными у себя в провинции, приезжали, чтобы укрыться в великом городе, где было множество неясных элементов. И конечно, в день внезапного нападения они сумели бы собраться под королевским штандартом» (Ж. Жорес, «Социалистическая история Французской революции», II, 5)²³.

«Миллионы людей, говорящие в двадцатом веке на одном из самых распространённых на земном шаре европейских языков, совсем по-иному выражали бы свои каждодневные нужды, если бы к берегам Нортумбрии не пристали бы [так в источнике — Н.Б. и Н.Ж.] драккары “морских людей”» (М. Блок, «Феодалное общество»)²⁴.

Обратимся теперь к отечественным историкам.

«... москвичи поправились и вогнали неприятеля в Ходынку, гуляй-города свои отгромили и ворвались бы в самую Тушино, если бы Заруцкий с своими донскими козаками не остановил их на речке Химке» (С.М. Соловьёв, «История России с древнейших времён», VIII, 3)²⁵.

«В этом государстве был уголок, который исключительными условиями своей

²⁰ Гиббон Э. Закат и падение Римской империи. Т. 1. — Москва: ТЕРРА, 1997. — С. 627.

²¹ Тьерри. О. Рассказы из времён Меровингов. — Санкт-Петербург: Иванов и Лещинский, 1994. — С. 97.

²² Моммзен Т. История Рима. Т. I. — Санкт-Петербург: Наука, Ювента, 1994. — С. 268. Ещё из Т. Моммзена: «Если бы царство Александра не разрушилось, греческое искусство и греческая наука нашли бы в нём такое государство, которое было бы достойно и способно принять их у себя; но теперь, когда нация превратилась в груду обломков, в ней буйно развился учёный космополитизм, для которого скоро сделалась магнитом Александрия, где научные средства и коллекции были неисчерпаемы, где цари сочиняли трагедии, к которым министры писали комментарии, и где процветали учебные заведения и академии» (с. 540).

²³ Жорес Ж. Социалистическая история Французской революции. Т. 2. — Москва: Прогресс, 1978. — С. 484.

²⁴ Блок М. Феодалное общество. — Москва: Изд-во им. Саблинских, 2003. — С. 52. Ещё из М. Блока: «...кто знает, какова была бы судьба Капетингов, если бы по чудесной случайности с 987 по 1316 год каждый отец не имел бы сына, который продолжал бы род?» (С. 380).

²⁵ Соловьёв С.М. История России с древнейших времён: В 15 кн. Кн. 4. — Москва: Соцэкгиз, 1960. — С. 534. Ещё из С.М. Соловьёва: «Если бы Иоанн III захотел обратить внимание на старый обычай, если бы справился с летописями, то нашёл бы, что внук не мог получить великого княжения *не по отчине*» (Там же, Кн. 3. — Москва: Соцэкгиз, 1960. — С. 60); «... если бы Годунов по своему нравственному характеру был в уровне тому положению, которого добивался, то он не обнаружил бы такой мелочной подозрительности, какую видим в присяжной записи и в этом стремлении связать своих недоброжелателей нравственными принудительными мерами» (С. 356–357); «Если бы он [Лжедмитрий] был обманщик, а не обманутый, то чего же бы ему стоило сочинить подробности своего спасения и похождения?» (С. 403); «Говорят ещё об одном распоряжении Лжедмитрия, которое если бы в самом деле было исполнено, то могло бы возбудить сильное неудовольствие в духовенстве...» (С. 449); «... если бы осаждённые доведались об измене последнего каким-нибудь другим образом, то и Долгорукий, и старцы в своих донесениях в Москву не преминули бы довести об этом до сведения царя и Палицына...» (С. 513).

жизни даёт нам возможность догадываться, как бы устроились князья юго-западной Руси, если бы в те века они были представлены самим себе» (В.О. Ключевский, «Курс русской истории», Лекция XIX)²⁶.

Эти цитаты, относящиеся к разным историографическим традициям и намеренно многочисленные, приведены не просто для того, чтобы продемонстрировать ошибочность (фактическую неистинность) утверждения, что история не знает сослагательного наклонения (для этого хватило бы пары показательных примеров из авторитетных исторических сочинений) — они свидетельствуют о сущностной антинаучности этой сакраментальной максимы, игнорирующей очевидные свойства того, о чём толкует.

Тут можно было бы, наверное, возразить, что максимуму эту следует понимать не в дескриптивном, а в прескриптивном смысле: она, дескать, не характеризует сущее — то, что есть, что фактически имеет место (и потому нет ничего критически предосудительного в том, что она расходится с общеизвестными фактами), а указывает на должное, устанавливает норму. Норму чего? Надо полагать, «научности».

С этой точки зрения, в исторических сочинениях, претендующих на статус научных, не должны встречаться предложения в сослагательном наклонении, разве что при передаче прямой речи персонажей нарратива. Но чем же плохо сослагательное наклонение? Можно ли упрекать историка за то, что он рассматривает те или иные события или действия как *обусловленные* (третье из четырёх перечисленных выше отношений, выражаемых этим наклонением)? Эта была бы странная претензия, идущая вразрез с одним из основных законов логики. Более основательным был бы протест против выражений, призванных подчеркнуть *желательность* исторических событий или поступков исторических персонажей, разумеется, не с точки зрения

самих персонажей (они же не историки, и им сослагательное наклонение не возбраняется!), а с точки зрения историка (четвёртое отношение), как привносящих элемент субъективизма в претендующее на объективность историческое описание и/или анализ. Остаются отношения первое (*предположительность*) и второе (*возможность*).

Отрицанием «сослагательного наклонения» в истории обычно стараются выразить неправомерность (необоснованность, бессмысленность, бесплодность) *предположений* в исторической науке. Вряд ли есть смысл спорить с этой методологической установкой, если речь идёт о произвольных гаданиях, экземплифицируемых анекдотичным диалогом трёх полководцев: «Я покорил бы всю Индию и даже Китай, если бы у меня было несколько танков “Т-34”» (Александр); «А я завоевал бы не только Британию, но и Америку, имея я в своём распоряжении вертолёты “Ми-8”» (Цезарь); «Да не в оружии дело. Будь у меня такая газета, как “Правда”, мир никогда и не узнал бы о Ватерлоо!» (Наполеон).

Но если естественная неприязнь трезвого учёного к «гаданию на кофейной гуще» переходит в тотальный запрет на анализ исторических возможностей, правомерно задаться вопросом, не превращается ли здоровое сомнение в надёжности наших познавательных процедур, применяемых к таким «ускользающим материям» как возможности, в отрицание самого существования возможностей, отличных от фактически реализовавшихся, т. е., по существу, в фатализм. И дело здесь не просто в том, что для нас, как и для многих других, фатализм неприемлем как по онтологическим, так и, что немаловажно, по эпистемологическим соображениям (есть ведь у него и защитники!), а главным образом, в том (во всяком случае — в рамках обсуждаемой темы), что фаталистическая установка обесмысливает само «ремесло историка».

²⁶ Ключевский В.О. Курс русской истории. Т. 1. — Москва: Мысль, 1993. — С. 304. Ещё из В.О. Ключевского: «... так ли поступил бы князь Фёдор, если бы его мать была сестра не Ивана московского, а Казимира литовского?» (Там же. — С. 307).

Позволим себе небольшое отступление на тему фатализма. Фатализм, фигурально выражаясь, есть незаконнорождённое дитя одного из основополагающих принципов научного мышления — детерминизма. Детерминизм можно определить как учение о взаимосвязи и обусловленности явлений и процессов реальности, основу которого составляют концепции причинности и закономерности. В онтологическом плане детерминизм утверждает необходимость всего сущего, в плане эпистемологическом подчёркивает, что лишь рассмотрение предметов в их необходимых связях переводит наше обыденное знание в научное.

Фатализм трактует необходимость как предопределённость и неизбежность и на этом основании отрицает случайность и свободу. Между тем, ни это отождествление, ни это отрицание из принципа детерминизма не следуют, хотя история философии и знает примеры отказа от детерминизма²⁷, а вместе с ним — и от науки, из-за неприемлемости якобы вытекающих из него фаталистических выводов²⁸. Не ввязываясь в общеонтологическую полемику по вопросу, предполагает, ли совмещение нескольких процессов, каждый из которых сам по себе детерминирован, нечто большее, чем ситуативное взаимодействие, т. е. возникновение устойчивой детерминированной системы более высокого уровня — вплоть до общемирового (аналога «великого свитка» Жака-фаталиста, «который

постепенно медленно разворачивается»²⁹), хотя для последнего явно нет достаточно-го основания, ограничимся констатацией, что отрицание свободы воли лишает человеческое поведение той специфики, на основании которой мы и отличаем гуманитарное знание от естественнонаучного и методологию наук о человеке от методологии наук о природе. Ведь именно наличие воли, способной противостоять неслетному множеству внешних факторов, не позволяет человеческому поведению просто «раствориться» в этом множестве в качестве всего лишь одной из его бесчисленных составляющих и задаёт ему вектор, не сводимый к их простому, условно «равноправному», взаимодействию³⁰. *Воля и знание*, расширяющее границы её *свободы*, превращают человеческое поведение в практику *sui generis*, познание которой требует инструментов и методов, отличных от тех, что приняты в естествознании, каковое соображение возвращает нас к «ремеслу историка».

Историк рассказывает, о том, что было сделано людьми, и объясняет, почему они сделали то, что сделали, а не, скажем, что-то иное. Такое объяснение «технически» невозможно без перебора вариантов, причём при серьёзном подходе к делу простым перечислением вариантов ограничиться нельзя — следует сопоставить и проанализировать хотя бы основные альтернативы и отношение к ним исторических персона-

²⁷ «Если ж движения все непрерывную цепь образуют
И возникают одно из другого в известном порядке,
И коль не могут путём отклонения первоначала
Вызвать движений иных, разрушающих рока законы,
Чтобы причина не шла за причиною испоконь века,
Как у созданий живых на земле не подвластная року,
Как и откуда, скажи, появилась свободная воля,
Что позволяет идти, куда каждого манит желанье,
И допускает менять направление не в месте известном
И не в положенный срок, а согласно ума побуждению?» (Лукреций Кар Т. О природе вещей. II, 251–260. — Москва: Художественная литература, 1983. — С. 65–66).

²⁸ «Знание не освобождает, а порабощает человека, отдавая его во власть непреодолимых, как Стикс, но и мертвящих, как Стикс, истин; основанная на знании мудрость приучает людей любить и благословлять истины Стикса» [Шестов, 2007: 329].

²⁹ Дидро Д. Жак-фаталист и его хозяин // Монахиня. Племянник Рамо. Жак-фаталист и его хозяин. — Москва: Художественная литература, 1973. — С. 263.

³⁰ Ср. схолию к теореме 20 заключительной пятой части спинозовской «Этики» (Спиноза Б. Этика, доказанная в геометрическом порядке // Спиноза Б. Избранные произведения. Т. 1. — Москва: Политиздат, 1957. — С. 602–604).

жей, а именно: осознавали ли участники событий имевшиеся альтернативы, как они их понимали, какими соображениями руководствовались, делая выбор и т.д.

Существует, правда, и такая точка зрения, что историк не обязан ничего *объяснять* — он должен лишь *рассказывать*. Опять-таки не ввязываясь в полемику по вопросу о том, можно ли считать учёным историка, руководствующегося этим правилом (в конце концов, научный статус истории не раз ставился под сомнение³¹, хотя критика «сослагательности» преподносится как раз от имени *науки*), оставляя в стороне и то обстоятельство, что такая интерпретация игнорирует реальное содержание исторической работы (можно ведь и в этом случае сказать, что речь идёт не о том, что *есть*, а о том, что *должно быть*), позволим себе всё же усомниться в практической выполнимости этого требования. Ведь те, кто ограничивает функцию историка *рассказом*, явно имеют в виду, что это будет (должен быть) рассказ о *людях*, а не о «факторах», «силах», «объективных процессах» и тому подобных метафизических «акторах», хотя бы потому, что о последних нельзя просто «рассказать» — их ведь надо сначала «установить» («выявить», «обнаружить»), а затем «свести» к ним ход событий; обе эти процедуры разительно отличаются от того, что мы называем *рассказом*. Не задаваясь вопросом, чего ради историк должен, если может, чураться проблематической модальности при обсуждении «факторов» и «процессов», ограничимся указанием на то, что люди (правильно или нет — другой вопрос) обычно полагают, что у них есть выбор, что они могут поступить так, а могут иначе. Даже если допустить, что они в том или ином конкретном случае (но вряд ли всегда!) заблуждаются, что их выбор в действительности предопределён обстоятельствами, характером,

наличием или отсутствием информации или чем-то ещё в этом роде, рассказ о *людях* не может обойтись без хотя бы упоминания возможностей — он просто будет *неполным*; рискнём предположить, что рассказ об «*обстоятельствах*», «*характерах*» и «*потоках информации*» — тоже.

Нельзя ведь сказать, что приведённые выше примеры из исторических сочинений бессмысленны или неинформативны. Можно, правда, попытаться путём разного рода стилистических ухищрений избавиться от частицы «бы», чтобы выразить тот же смысл и донести ту же информацию, формально не прибегая к сослагательному наклонению. Но зачем? Если смысл сохранится (ведь требуется выразить «тот же смысл»!), сохранится и проблематическая модальность высказывания — ассерторическим оно не сделается, а просто заменить проблематическое суждения ассерторическим, не исказив смысл исходного текста, нельзя.

Собственно говоря, весь этот спор о «сослагательном наклонении» — просто лингвистическое недоразумение, хотя и небезвредное. То, что пытаются сказать оппоненты «сослагательного» подхода (если они, конечно, не убеждённые фаталисты), следовало бы сформулировать иначе: в истории (разумеется, выражаясь метафорически) нет и, видимо, не может быть двух *разных изъявительных* наклонений, но *сослагательное* наклонение как раз есть. Ведь одно дело — считать, что реальность — одна (предоставим фантастам рассуждать о множественности альтернативных реальностей), и совсем другое — утверждать, что она безальтернативна. Без понимания того, какие имелись альтернативы, невозможно не то что *понять*, но даже *описать* то, что произошло. Если историк абстрагируется от альтернатив, он предлагает нам не реальный, а искажён-

³¹ «Первоначально историческое описание существует как вид искусства (муза Клио). В дальнейшем история приобретает статус науки. Но и сейчас формирование исторического сознания у большинства людей происходит под влиянием художественного творчества. Мы узнаём о своём прошлом чаще из романов, кинофильмов и телепередач, чем из учебников. Специальное историческое исследование читает, как правило, узкий круг лиц» (Гулыга А. В. Искусство истории. — Москва: Современник, 1980. — С. 9).

ный, грубо упрощённый («обкорнанный») образ прошлого, создаёт искусственную, надуманную конструкцию, не имевшую аналога в исторической действительности. Реальность без альтернатив — это не та реальность, которая существовала в прошлом; следовательно, любое объяснение, исходящее из неё, неадекватно. В прошлом альтернативы были, и, хотя изучать их нелегко, не изучать — нельзя.

А нелегко их изучать потому, что, в отличие от фактически свершившегося, возможное или, используя форму множественного числа, возможности, оставшиеся нереализованными, далеко не всегда описываются в источниках. Даже в вышеприведённых примерах, специально подобранных для того, чтобы продемонстрировать присутствие сослагательного наклонения в исторических сочинениях, указывается, как правило, какая-то одна альтернатива, хотя их было, надо думать, больше. Таких указаний достаточно, чтобы утвердиться в мысли, что альтернативные варианты поведения и развития были возможны и, следовательно, должны учитываться в научной работе, но явно недостаточно, чтобы это долженствование полноценно реализовать. Но кто сказал, что наука — это просто?

Так, может быть, задача эта столь трудна, что практически невыполнима?

Зависит от времени: чем дальше в лес, тем больше дров; чем дальше в прошлое, тем больше развилок (число которых растёт в геометрической прогрессии) и, следовательно, больше нереализованных альтернатив, зато всё меньше и меньше (в геометрической же прогрессии убывающей) достоверной информации, позволяющей эти альтернативы хотя бы наметить. Это хорошо видно по сочинениям, написанным в популярном жанре альтернативной истории. По мере удаления от исходной, более или менее реалистично очерченной,

развилки, фабула становится всё произвольнее, а повествование — всё фантастичнее. (И, наоборот, чем дальше в будущее, тем менее предсказуема история).

Такого рода сочинения могут быть занимательными; в них могут затрагиваться представляющие интерес для вдумчивого читателя проблемы психологии, социологии, философии, не исключая философию науки и философию культуры; наконец, они позволяют взглянуть на ход исторических событий с неожиданной стороны и разглядеть в прошлом то, что ускользает от «замыленного» взора. В этом смысле их можно рассматривать как своего рода умственные эксперименты, позволяющие, выражаясь словами Ф. Бэкона, обнаружить то, что скрыто, когда всё «идёт своим чередом»³². Словом, право на существование жанр альтернативной истории имеет, но фантастика, даже научная, всё же не наука.

Что говорить о беллетристах, если даже профессиональные историки, упражнявшиеся в этом жанре, поддаются порой соблазну заглянуть чересчур далеко! Описывая возможные последствия выздоровления Александра Македонского от сгубившей его в действительной истории малярии, Арнольд Тойнби достаточно реалистично описывает ближайшие возможные последствия «свершившегося чуда»: предотвращение распада только что созданной империи, экспансию в центральное и западное Средиземноморье, включая подчинение Карфагена и Рима, но затем даёт волю фантазии, живописуя покорение Индии, Тропической Африки, Китая, открытие Америки, освоение которой «сделало нашу цивилизацию истинно всемирной», и даже доводит повествование до современности, отмечая, что, умри Александр в Вавилоне в 323 г. до новой эры, «не было бы нашего нынешнего прекрасного мира, которым правит сейчас Александр XXXVI!»³³.

³² «Подобно тому как и в гражданских делах дарование каждого, а также скрытый смысл души и страстей лучше обнаруживаются тогда, когда человек подвержен невзгодам, чем в другое время, таким же образом и скрытое в природе более открывается, когда оно подвергается воздействию механических искусств, чем тогда, когда оно идёт своим чередом» (Новый Органон, 1:XCVIII). Бэкон Ф. Сочинения. Т. 2. — Москва: Мысль, 1978. — С. 58).

³³ Тойнби А. Если бы Александр не умер тогда... // Знание — сила. — 1979. — № 12. — С. 39–42.

До современности доводит Тойнби и другое своё упражнение в жанре альтернативной истории, описывающее то, что произошло бы, измени история свой ход чуть раньше³⁴. И опять, ближайшие последствия неудачных (в отличие от известной нам истории) покушений на персидского царя Артаксеркса III (338 г. до н. э.) и македонского царя Филиппа II (336 г. до н. э.) излагаются более или менее реалистично и в чём-то даже похожи на те, что описаны в эссе об Александре, хотя итоговый результат, разумеется, разительно иной. Но в этой работе Тойнби более осторожен — отрицает, что отдалённые последствия («вторичный результат... действий Филиппа») «никто не смог бы предугадать»³⁵, а сами изменившие ход истории монархи «в сущности, не ведали, что творили»³⁶.

Хуже, если профессиональные историки используют жанр альтернативной истории в апологетических целях. Такой подход нацелен не на то, чтобы лучше разобраться в прошлом (в чём, собственно, и состоит резон использования сослагательного наклонения в историографии), а на то, чтобы «продвинуть» ту или иную современную идеологию. Так, Виктор Хансон, автор эссе «Звезда Эллады не взошла»³⁷, даже не рассматривает непосредственные последствия предполагаемой победы персов в Саламинском сражении, ограничиваясь перечислением и характеристикой и без того известных последствий фактической победы греков. Единственная альтернатива, которая фигурирует в тексте, формулируется лишь в виде вопроса, сумел ли бы Фемистокл, «случись ему уцелеть при Саламине, ... предоставить свободе и демократии второй шанс, отплыв с остатками афинян в Италию»³⁸, на который автор к тому же не даёт никакого ответа. Так что было бы, если бы Фемистокл уцелел? Что

было бы, если бы, уцелев, он отплыл в Италию? Что было бы, если бы, добравшись до Италии, он предоставил-таки «свободе и демократии второй шанс»? Об этом у автора ни слова, зато, преодолев одним махом двадцать пять столетий, опустив все промежуточные перипетии и мысленно перенесясь в наше время, он выражает удовлетворение отдалёнными результатами подвига древних эллинов: «В конце сентября 480 г. Фемистокл и афинские бедняки не только спасли от персов Грецию и нарождавшуюся западную цивилизацию, но и определили будущее того свободолобного, изменчивого и беспокойного общества, основные черты которого узнаваемы и по сей день»³⁹.

Подведём итоги. 1) История сослагательное наклонение *знает*, кто бы что на этот счёт ни говорил. Отрицать это значит отрицать *очевидное*, что науке не пристало. Это очевидное — общедоступные тексты исторических сочинений. И в этом пункте под историей мы понимаем именно их — рассказы о событиях прошлого и научные трактаты, эти рассказы и это прошлое обобщающие и анализирующие. 2) Авторы исторических сочинений облачают свои мысли в предложения в сослагательном наклонении не литературной игры и стилистических изысков ради. Они делают это потому, что сослагательное наклонение и есть та самая форма речи, которая передаёт особенности описываемой историками реальности — *наличие в прошлом нереализованных возможностей*. 3) Отрицать это значит отрицать, для кого-то, может, и неочевидную, но *объективную* реальность, что науке опять-таки не пристало. Реальность не одномерна, и сущее не просто и не только существует. Проистекая из того, что уже не существует, но некогда существовало, сущее свидетельствует (содержит в себе

³⁴ Тойнби А. Если бы Филипп и Артаксеркс уцелели... // Знание — сила. — 1994. — № 8. — С. 60–65.

³⁵ Там же. — С. 65.

³⁶ Там же.

³⁷ Хансон В. Д. Звезда Эллады не взошла: персы одерживают победу при Саламине. 480 г. до н. э. // А что если бы?... Альтернативная история. — Москва: АСТ; Санкт-Петербург: Terra Fantastica, 2002. — С. 29–52.

³⁸ Там же. — С. 31.

³⁹ Там же. — С. 52.

информацию) о некогда существовавшем, которое не кануло в тотальное небытие, не исчезло бесследно, а продолжает существовать, хотя и в превращённой форме оставленных им следов. Сохранение этих следов делает принципиально возможным, хотя не всегда и, как правило, нелегко на практике осуществимым, восстановление (разумеется, лишь мысленное) существовавшего. *А разве мысленное восстановление когда-то существовавшего не есть цель и задача исторической науки?*⁴⁰ 4) С другой стороны, сущее чревато тем, что ещё не существует, но может существовать в будущем, а разве то, на что сущее способно, не характеризует это самое сущее с его, опять-таки для кого-то, может, и неочевидной, но наиболее *существенной* стороны? И *разве познание сущего в его существенных свойствах не есть цель и задача любой науки*, независимо от того, идёт ли речь о существенных свойствах существующего в настоящем или существовавшего в прошлом? 5) Мысленное восстановление прошлого по следам, оставшимся от него в настоя-

щем, к каковым относятся, в том числе, и нарративные исторические источники, задача непростая, но не неосуществимая. Однако мы можем сделать её неосуществимой, если сами откажемся от тех возможностей, которые предоставляют нам выявление и анализ возможностей. 6) Важно лишь помнить, что при решении этой задачи не стоит браться за невозможное — пытаться реконструировать то, о чём у нас нет информации или информация наличествует в форме, из которой мы не умеем (или ещё не научились) её извлекать. Мы знаем далеко не всё и всё, наверное, не познаем никогда, но узнать-то хотим! Как говорил Аристотель, «все люди от природы стремятся к знанию» (Аристотель. *Метафизика*, I, 980a)⁴¹. Любопытство — важнейший, хотя и не единственный (есть ведь ещё и практическая польза), мотив познавательной деятельности. А для тех, чью любознательность наука — с её критериями достоверности и строгости⁴² — пока не удовлетворяет, существует фантастика.

Список литературы:

Бестужев-Лада И.В. Ретроальтернативистика в философии истории // Вопросы философии. — 1997. — № 8. — С. 112–122.

Бородин Л.И. История, альтернативность и теория хаоса // Одиссей. Человек в истории. — 2000. — Т. 2000. — С. 21–26.

Гуревич А.Я. История культуры: бесчисленные потери и упущенные возможности // Одиссей. Человек в истории. — 2000. — Т. 2000. — С. 53–57.

Данилевский И.Н. Соблазн альтернативы // Одиссей. Человек в истории. — 2000. — Т. 2000. — С. 37–39.

Ковальченко И.Д. Возможное и действительное и проблемы альтернативности в историческом развитии // История СССР. — 1986. — № 4. — С. 83–104.

Кузнецов В.Ю. Карл Поппер: учиться на ошибках // Предположения и опровержения: рост научного знания. — Москва: АСТ, 2004. — С. 5–6.

⁴⁰ Проблеме «восстановления прошлого» посвящено эссе Ю. М. Лотмана «Изъявление Господне или азартная игра? (Закономерное и случайное в историческом процессе)» [Лотман, 1994].

⁴¹ Аристотель. Сочинения. Т. 1. — Москва: Мысль, 1975. — С. 65.

⁴² «Никогда не принимать за истинное ничего, что я не признал бы таковым с очевидностью, т. е. тщательно избегать поспешности и предубеждения и включать в свои суждения только то, что представляется моему уму столь ясно и отчётливо, что никоим образом не сможет дать повод к сомнению» (Декарт Р. Рассуждение о методе // Декарт Р. Сочинения. Т. 1. — Москва: Мысль, 1989. — С. 260.).

Лотман Ю.М. Изъявление Господне или азартная игра? (Закономерное и случайное в историческом процессе) // Ю.М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа. — Москва: Гнозис, 1994. — С. 353–363.

Малышев М.А. Сослагательное наклонение - виртуальный бунт против судьбы // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. — 2015. — Т. 15, № 1. — С. 5–27.

Назаров В.Д. Сослагательность сослагательности рознь // Одиссей. Человек в истории. — 2000. — Т. 2000. — С. 42–44.

Оболонский А. В. Исторические перекрестки как объект альтернативной истории // Одиссей. Человек в истории. — 2000. — Т. 2000. — С. 27–32.

Парамонова М.Ю. История в сослагательном наклонении: повод для беседы или научная проблема? Опыт современной германской историографии // Одиссей. Человек в истории. — 2000. — Т. 2000. — С. 47–39.

Поппер К. Предположения и опровержения: рост научного знания. — Москва: АСТ, 2004. — 638 с.

Раннее государство, его альтернативы и аналоги / под ред. Л.Е. Гринина, Д.М. Бондаренко, Н.Н. Крадина, А.В. Коротаева. — Волгоград: Издательство "Учитель", 2006. — 559 с.

Ржешевский О.А. Учёные Великобритании о виртуальной истории // Одиссей. Человек в истории. — 2000. — Т. 2000. — С. 45–46.

Ткаченко Н.А. История в сослагательном наклонении: опыт альтернативной истории // Ученые записки Таврического национального университета имени В.И. Вернадского. Серия: Философия. Культурология. Политология. Социология. — 2014. — Т. 27, № 1–2. — С. 167–174.

Уваров П.Ю. Развилки и игральные кости, альтернативы и случайности // Одиссей. Человек в истории. — 2000. — Т. 2000. — С. 78–85.

Харитонович Д.Э. Методология и нравственный смысл альтернативной истории // Одиссей. Человек в истории. — 2000. — Т. 2000. — С. 51–52.

Хвостова К.В. Современная эпистемологическая парадигма в исторической науке // Одиссей. Человек в истории. — 2000. — Т. 2000. — С. 10–14.

Чешков М. А. Историческая сослагательность, постнеклассическая наука и развивающийся мир // Одиссей. Человек в истории. — 2000. — Т. 2000. — С. 14–20.

Шестов Л. Афины и Иерусалим. — Москва: РИПОЛ классик, 2007. — 414 с.

Экштут С. А. Контрфактическое моделирование, развилки и случайности в русской истории и культуре // Одиссей. Человек в истории. — 2000. — Т. 2000. — С. 33–36.

Юрганов А. Л. Свойство познания, а не характеристика исторического процесса // Одиссей. Человек в истории. — 2000. — Т. 2000. — С. 40–41.

References:

Bestuzhev-Lada, I. V. (1997) 'Retroal'ternativistika v filosofii istorii [Retro-alternative studies in the philosophy of history]', *Voprosy Filosofii*, (8), pp. 112–122. (In Russian).

Borodkin, L. I. (2000) 'Istoriya, al'ternativnost' i teoriya khaosa [History, alternativeness and chaos theory]', *Odysseus. Man in history*, 2000, pp. 21–26. (In Russian).

Cheshkov, M. A. (2000) 'Istoricheskaya soslagatel'nost', postneklassicheskaya nauka i razvivayushchiysya mir [Historical subjunctive, post-ne-classical science and the developing world]', *Odysseus. Man in history*, 2000, pp. 14–20. (In Russian).

Danilevsky, I. N. (2000) 'Soblazn al'ternativy [The temptation of alternative]', *Odysseus. Man in history*, 2000, pp. 37–39. (In Russian).

Ekshut, S. A. (2000) 'Kontrfakticheskoye modelirovaniye, razvilki i sluchaynosti v russkoy istorii i kul'ture [Counterfactual modeling, forks and accidents in Russian history and culture]', *Odysseus. Man in history*, 2000, pp. 33–36. (In Russian).

Grinin, L. E. et al. (eds) (2006) *Ranneye gosudarstvo, yego al'ternativy i analogi [The early state, its alternatives and analogues]*. Volgograd: Uchitel Publ. (In Russian).

- Gurevich, A. Y. (2000) 'Istoriya kul'tury: beschislennyye poteri i upushchennyye vozmozhnosti [History of culture: countless losses and missed opportunities]', *Odysseus. Man in history*, 2000, pp. 53–57. (In Russian).
- Kharitonovich, D. E. (2000) 'Metodologiya i нравственный смысл al'ternativnoy istorii [Methodology and moral meaning of alternative history]', *Odysseus. Man in history*, 2000, pp. 51–52. (In Russian).
- Khvostova, K. V. (2000) 'Sovremennaya epistemologicheskaya paradigma v istoricheskoy nauke [Modern epistemological paradigm in historical science]', *Odysseus. Man in history*, 2000, pp. 10–14. (In Russian).
- Kovalchenko, I. D. (1986) 'Vozmozhnoye i deystvitel'noye i problemy al'ternativnosti v istoricheskom razvitiy [The Possible and the Real and the Problems of Alternatives in Historical Development]', *Istoriya SSSR*, (4), pp. 83–104. (In Russian).
- Kuznetsov, V. Y. (2004) 'Karl Popper: uchit'sya na oshibkakh [Karl Popper: learning from mistakes]', in *Predpolozheniya i oproverzheniya: rost nauchnogo znaniya [Conjectures and Refutations: The Growth of Scientific Knowledge]*. Moscow: AST Publ., pp. 5–6. (In Russian).
- Lotman, Y. M. (1994) 'Iz "yavleniye Gospodne ili azartnaya igra? (Zakonomernoye i sluchaynoye v istoricheskom protsesse) [Manifestation of the Lord or Gambling? (Regular and random in the historical process)]', in Yu. M. Lotman *i tartusko-moskovskaya semioticheskaya shkola [Yu. M. Lotman and the Tartu-Moscow semiotic school]*. Moscow: Gnozis Publ., pp. 353–363. (In Russian).
- Malishev, M. (2015) 'Pluperfect: virtual revolt against destiny', *Research yearbook (Institute of Philosophy and Law. The Urals Division of the Russian Academy of Sciences)*, 15(1), pp. 5–27. (In Russian).
- Nazarov, V. D. (2000) 'Soslagaatel'nost' soslagatel'nosti rozn' [Subjunctiveness of subjunctiveness is different]', *Odysseus. Man in history*, 2000, pp. 42–44. (In Russian).
- Obolonsky, A. V. (2000) 'Istoricheskiye perekrestki kak ob'yekt al'ternativnoy istorii [Historical Crossroads as an Object of Alternative History]', *Odysseus. Man in history*, 2000, pp. 27–32. (In Russian).
- Paramonova, M. Y. (2000) 'Istoriya v soslagaatel'nom naklonenii: povod dlya besedy ili nauchnaya problema? Opyt sovremennoy germanskoy istoriografii [History in the subjunctive mood: an occasion for conversation or a scientific problem? The experience of modern German historiograph]', *Odysseus. Man in history*, 2000, pp. 47–39. (In Russian).
- Popper, K. R. (1963) *Conjectures and Refutations: The Growth of Scientific Knowledge*. London: Routledge & K. Paul. (Russ. ed.: (2004) *Predpolozheniya i oproverzheniya: rost nauchnogo znaniya*. Moscow: AST Publ.).
- Rzheshesky, O. A. (2000) 'Uchonyye Velikobritanii o virtual'noy istorii [British scientists about virtual history]', *Odysseus. Man in history*, 2000, pp. 45–46. (In Russian).
- Shestov, L. (2007) *Afiny i Iyerusalim [Athens and Jerusalem]*. Moscow: RIPOL Classic Publ. (In Russian).
- Tkachenko, N. A. (2014) 'The history in the subjunctive: experience of the alternative history', *Uchenyye zapiski Tavricheskogo natsional'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Seriya: Filosofiya. Kul'turologiya. Politologiya. Sotsiologiya*, 27(1–2), pp. 167–174. (In Russian).
- Uvarov, P. Y. (2000) 'Razvilki i igral'nyye kosti, al'ternativy i sluchaynosti [Forks and dice, alternatives and accidents]', *Odysseus. Man in history*, 2000, pp. 78–85. (In Russian).

Информация об авторах

Николай Иванович Бирюков — кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии МГИМО МИД России, 119454, Москва, проспект Вернадского, 76 (Россия)

Наталья Федоровна Желудова — старший преподаватель кафедры философии МГИМО МИД России, 119454, Москва, проспект Вернадского, 76 (Россия)

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors

Nikolai I. Biryukov — PhD in Philosophy, Docent, Associate Professor at the Department of Philosophy, MGIMO University, 76, Prospect Vernadskogo, Moscow, Russia, 119454 (Russia)

Natalya F. Zheludova — Senior Lecturer at the Department of Philosophy, MGIMO University, 76, Prospect Vernadskogo, Moscow, Russia, 119454 (Russia)

Conflicts of interest. The authors declare absence of conflicts of interest.

Статья поступила в редакцию 25.04.2023; одобрена после рецензирования 30.05.2023; принята к публикации 05.06.2023.

The article was submitted 25.04.2023; approved after reviewing 30.05.2023; accepted for publication 05.06.2023.